

ФГБУ ВО «Курский государственный университет»

**СИНТЕЗ ТРАДИЦИЙ И НОВАТОРСТВА
В ЛИТЕРАТУРЕ, ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ
(«ФЕТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»)**

Материалы Международной научной конференции
28 – 29 июня 2019 года

Курск

2020

УДК 82
ББК 83
С 38

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, зав. лабораторией филологии
Южного научного центра РАН *М.Ч. Ларионова*;
доктор филологических наук, профессор *В.В. Тихомиров*

Синтез традиций и новаторства в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения») [Текст]: материалы Международной научной конференции / под ред. Е.М. Криволаповой; ред. Г.Л. Ачкасова, Т.В. Доронина. Курск. гос. ун-т. – Курск, 2020. – 272 с.

В сборник включены материалы Международной научной конференции «Синтез традиций и новаторства в литературе, языке и культуре», посвященной актуальным проблемам современной гуманитаристики и проходившей в г. Курске 28 – 29 июня 2019 года. Работы отечественных и зарубежных исследователей – литературоведов, лингвистов, философов, методистов и учителей-практиков – представляют широкий круг вопросов, посвященных литературным юбилеям, в частности, изучению наследия А.А. Фета, проблемам традиций и новаторства в русской литературе, языке, культуре, а также вопросам преподавания русской литературы в современной школе.

Книга адресована филологам, историкам, философам, педагогам, а также широким читательским кругам, интересующимся русской литературой и культурой начала XX века.

Сборник включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и размещен в научной электронной библиотеке (www.elibrary.ru).

© Коллектив авторов, 2020

© Курский государственный университет, 2020

*А.М. Любомудров
(Санкт-Петербург)*

***ХРИСТИАНСКОЕ СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ
ЮРИЯ ЛОЩИЦА***

Аннотация: В статье анализируются пути и способы воцерковления художественного слова в творчестве Ю.М. Лощица. В отличие от других представителей традиционной школы, этот автор уже с 1970-х годов создавал свои книги, будучи православным верующим. В работе продемонстрировано, каким образом христианское мироощущение проникает в ткань художественной речи в произведениях различных жанров — художественной биографии, историко-документального повествования, лирической прозы, публицистики. Показано, как в условиях цензуры и атеистического диктата Ю. Лощицу удавалось тонко и глубоко раскрывать красоту православного вероучения. Затронута современная публицистика писателя, где обнаруживается осмысление новейшей истории России с христианских позиций.

Ключевые слова: Юрий Лощиц, христианская культура, православное мировоззрение, художественный мир.

CHRISTIAN WORD IN THE ART WORLD OF YURI LOSCHITZ

Abstract: The article analyzes the ways and methods of churching of the artistic word in the creative work of Y.M. Loschitz. Unlike other members of the “Russian traditional school”, this author has been creating his books since the 1970s, being an Orthodox believer. The article demonstrates how Christian world perception penetrates into the artistic canvas of various genres such as artistic biography, historical and documentary narrative, lyrical prose and political writings. It is shown how under the conditions of censorship and atheistic dictatorship Y. Loschitz managed to reveal subtly and deeply the beauty of Orthodox faith. The work also concerns the modern publications of the writer in which the Christian understanding of the Russian history is revealed.

Key words: Yuri Loschitz, Christian culture, Orthodox worldview, art world.

Выразить в художественном слове истину христианства – задача весьма трудная для светского писателя. Об этом говорит вся история нашей литературы. Даже такие признанные православные прозаики, как Иван Шмелев и Борис Зайцев, достигли успеха на этом пути далеко не сразу. Прошли годы, прежде чем они стали «реалистами духа» и отыскивали художественные средства – каждый свои – для воплощения в слове цельного православного мировоззрения.

Русские литераторы конца XX века после десятилетий атеистического глухоманья постепенно открывали истину православия. Но даже у тех, кто обрел личную веру, часто оставался прежним язык, творческое мироощущение. Показателен пример, самого, пожалуй, крупного писателя русской традиционной школы Валентина Распутина.

Он пришел к вере и крестился уже зрелым человеком. После крещения, говорил писатель, ему «многое открылось». Но вот удивительное признание: он «стал писать меньше. Если до этого писалось легче – что хотел, то и писал, то теперь уже шёл отбор, духовный отбор, и при этом писать мне было всё труднее и труднее» [Сизов 2015]. Причина этого, очевидно, в том, что Распутин искал новый язык, новую форму для выражения именно православного мироощущения, а прежний лексико-понятийный комплекс препятствовал этому. Например, в ответе писателя на вопрос, что такое духовность, осязаемы следы «до-христианского», природно-родового этапа творчества: «Это, на мой взгляд, жизнь на высоте, где человек ощущает себя и в потомках, и в предках, способность к собиранию небесных плодов, внутренняя свобода, укорененность в своем» [Распутин 2005].

Вот почему мы наблюдаем примечательную картину: по мере своего воцерковления писатели от жанров художественных (роман, рассказ, повесть) переходят к очерку и публицистике. Так, мастер лирико-исповедальной прозы В. Солоухин стремится заинтересовать читателя непосредственным разговором о православии. В очерках он увлекательно рассказывает о своем приближении к храму, детально описывает обстоятельства этого пути, уделяя главное внимание культуре, истории и политике, при этом в центре повествования неизменно находится лирическое «я» автора. Другие начинают говорить о церковных истинах прямо и открыто, непосредственно выражая их в авторской речи. Самый яркий пример здесь Владимир Крупин, который вступил на стезю духовного просветительства, и публицистическое слово его часто уподобляется слову проповедника.

Лишь немногие обладают даром облекать духовные истины в подлинно *образно-художественную* форму. Один из таких авторов – Юрий Лощиц. Он занимает совершенно особое место в плеяде представителей традиционной русской школы (которую неточно называют еще «деревенской»). Все его книги, начиная с 1970-х годов, – а это и художественные, и документальные жанры, и поэзия – созданы воцерковленным православным христианином.

Пережив кризис воинствующего отторжения религии (нечто подобное происходило в юности и с Иваном Шмелевым), Лощиц вернулся к вере. Маяками на этом пути стали спасительные воспоминания о бабушке, которая водила мальчика в церковь, и люди, с которыми свела судьба. Писатель вспоминает: «Возвращение к вере для меня было очень тяжелым и мучительным, может оно и не состоялось бы, если бы в конце 1960-х годов я не подружился с Валерием Николаевичем Сергеевым, известным нашим писателем и искусствоведом, специалистом по русской иконе. Он тогда работал в музее Андрея Рублева» [Лощиц 2008].

Так молодой автор заинтересовался историей России, и в первую очередь России православной. Начиная с жанра художественной биографии: в 1972 году вышла книга о философе и поэте «Сковорода». Известность писателю принесла биография «Гончаров» (1977), где был сделан акцент на духовном пути классика. Это был свежий взгляд, открывший человеческую сущность Ивана Александровича Гончарова, разрушивший идеологические схемы, которые десятилетиями складывались вокруг его творчества. Центральной стала глава о романе «Обломов», где Лощиц вводит персонажа в мифологический, сказочно-фольклорный и библейский контекст, а также говорит о глубине и современности романа: «Обломовская мечта о “полном”, “целом” человеке ранит, тревожит, требует ответа» [Лощиц 1977: 194]. По мнению Лощица, в романе Обломов выступает стороной не только критикуемой, но и обвиняющей, бросающей вызов самоцельному практицизму: «...человек, который всем своим существом укоряет суетный, узкопрактический, фальшиво-деятельный мир. Укоряет прежде всего тем, что наотрез отказывается от участия в делах *такого* мира» [Лощиц 1977: 175].

Книга «Земля-именинница» (1979) – цикл лирических эссе и очерков, рассказов о родной истории, топонимике, о единстве земли и народа, ею рожденного. Лощиц выступил здесь как мастер слова живого, богатого, мягкого, затрагивающего глубину человеческого сердца, волнующего душу. Эта светоносность ощутима уже в заглавиях очерков: «Шеломень», «В поле светлом», «Отблески», «Твердыня небесная», «Нерль», «Странноприимные люди».

Христианское мироощущение органично присутствует в самой ткани художественной речи. Славянизмы, строки молитв и богослужений, вкрапленные в текст, создают необходимый духовный фон. Такую же роль играет символика. «Свет», «небо» – важнейшие символы христианства. «Я свет миру», – говорил Спаситель (Ин. 8:12). В очерке «Твердыня небесная» Лощиц воспевае гимн свету, приводя множество его определений, и проницательный читатель понимает, что по сути это гимны Самому Творцу. Второй, символически-духовный смысл присутствует и в описании разных состояний неба. Тончайшим знанием неба обладали иконописцы, считает автор, приводя в пример иноку «Преображение» Феофана Грека: «Как будто готово оно вот-вот стать священной твердью, Небом Небес... Внимая этому томленью, мы ждем от тебя еще какого-то – полного, окончательного света...» [Лощиц 1979: 111]. Прозрачный эвфемизм Царства небесного проступает и в рассуждении: «В какой бы глухой темнице ни оказался человек, пусть не забудет он, что рядом с реальностью вечного дня, царящего в мирах, его темница – только мираж» [Лощиц 1979: 112]. Для советской и *светской* литературы это был непривычный, необыкновенный язык, на котором автор говорил о реалиях духовных.

В качестве зачина очерка «Пальмовая ветвь», посвященного древним паломникам, Лощиц поместил церковную ектению: «О мире всего мира, о благорастворении воздухов, об изобилии плодов земных дьяконы с амвонов призывали свою паству молиться крепко. И еще: о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их...» [Лощиц 1979: 23]. В душе человека воцерковленного эти строки вызвали теплый отклик, а читатель светский мог впервые за годы безбожной власти прочесть и осмыслить те прошения, которыми наполнено православное богослужение. И не в самиздате, а в книге, вышедшей в советском издательстве («Современник») невероятным по нынешним меркам 100-тысячным тиражом.

Столь же явственно христианская традиция проявилась в книге «Дмитрий Донской» (1980), где воссоздана целостная картина русской жизни XIV в., включая культуру, быт, нравы. Автор открывал изнутри мир русского средневековья, вводил в него читателя. В монологах персонажей, отрывках летописей, авторских раздумьях раскрывались грани православного мирозерцания. В условиях жесткой цензуры и атеистического диктата Лощицу удавалось, используя несобственно-прямую речь, излагать даже основы христианской аскетики: «...Самое страшное не внешние беды, а порождаемое им в душе уныние, чувство оставленности. Недаром и древние старцы всегда говорили, что уныние – опаснейший из помыслов... Бодрение и трезвение сердечное, постоянное умное делание – вот чего более всего не терпит враг человеческий» [Лощиц 1980: 340].

Стержневой стала тема исторического испытания. В простом, сердечном слове, в размеренном движении сюжета, без ложной патетики, автор призывал современников перенять и сохранить энергию созидания, мужество в одолении препятствий, высшие достижения духа, присущие соотечественникам средневековой эпохи. Кульминация книги – лирический монолог-призыв автора, обращаясь к исторической многовековой перспективе: «Мы – будем! Хотите ли, не хотите, мы будем жить, будем строить златошлемые каменные дива и прочие житницы, рожать детей и сеять зерно в благодатные борозды. Мы будем акать и окать назло своим недругам, мы еще созовем добрых гостей со всего света, и никто не уйдет с русского пира несyt. Мы – будем, покуда небеса не свернутся как прочитанный свиток! А до тех пор наши колодцы не пересохнут, наши колокола не умолкнут! Мы еще скажем миру слово Любви, и это будет наше *окончательное* слово [Лощиц 1980: 283].

В доперестроечные годы говорить о православном мировоззрении можно было лишь по отношению к эпохе средневековья, – и писатели обращались к древнерусской литературе и истории, чтобы хотя бы косвенно сказать о вере. «Взыскующая правду» – так озаглавлена статья Лощица, посвященная 1000-летию национальной литературы («Наш

современник, 1982, № 1). Обозначая духовные основы этой культуры, автор балансирует на самой грани «дозволенного цензурой». Заголовок статьи мог бы быть и таким: «Исповедующая истину», ведь древнерусская словесность, как утверждал писатель, «не только взыскует, она и находит искомое, и громко исповедует свою истину, безоглядно ее отстаивает» [Лошиц 1982: 166]. Читателю очевидно, что речь идет об истине христианства. Лошиц выступил здесь апологетом веры и в жанре публицистики.

В годы постперестроечного лихолетья слово Лошица, звучащее уже не в прозе, а в стихах, становится бичующим, обличающим. Постоянные темы поэзии 1990-х – боль за поруганную Отчизну, за обманутых, униженных соотечественников, которая выплескивается то в горьком плаче, то в призыве-лозунге, то в гневной, разящей тираде: «Не откладывай боле Суда! / Лукавнующих порази! / К Тебе вопят города / И села твоей Руси!» [Лошиц 2001: 73], «Ткни ледяной кастет / в рты похотливых газет. / Выгребь срам, стыд, / Вымети глум, блуд!» [Лошиц 2001: 68]. Преимущественно напевная и печальная, муза Лошица называет отнюдь не поэтическими словами реалии удручающе-прогрессирующего мира. Тема небесной кары реализована средствами буффонады, речитатива, полифонии реплик в поэме «Христос ругается» («Завтра», 2003, 9 дек.). Приведенные в Евангелии гневные слова Спасителя, обличавшего «порождений ехидниных», легли в основу образа «Ярого Ока, Спаса-Ругателя», истребляющего все нечистое. Писатель объяснял эпатазирующее название: все Евангелие «пронизано “руганием” ветхого мира, мира начетнического, фарисейского, мира книжников и лицемеров» [Лошиц 2008].

Горечь от созерцания примет этого ветхого мира преодолевается, однако, торжествующе-пасхальной радостью. В стихотворении, написанном в Пасху 2014 года, звучит победный, жизнеутверждающий гимн Спасителю: «О Воскресшем Христе / в светлых ризах сады, / О Воскресшем Христе / ирмос вешней воды...».

В своих интервью Лошиц осмысляет историю и современность с христианских позиций, размышляет о путях национально ориентированного русского общественного движения: «В нашей истории мы видели неоднократно: есть очевиднейшая победа, но удержать, закрепить ее, устоять на этом – часто не хватает сил, потому что идет повальное расслабление. Так и здесь. В 1970-80-е у нас было впечатление, что русская национальная идея все равно утвердится, но ее соперничество и сотрудничество с идеей государственной будет идти через постепенное преображение коммунистической доктрины, ее просветление и ее одушевление – и что это будет очень долгий процесс. Мы настраивались на столетия – и вдруг видим: какие-то люди сделали все наоборот, по-своему, и используя нас отчасти, и действуя против нас. Сделали

стремительнейшим образом – произошел интернациональный блиц-криг по очень жесткому сценарию. Мы к этому оказались совершенно не готовы» [Лоциц 2008]. О духовных причинах такого неуспеха сказал В. Крупин: «Если писатель не воцерковлен, труды его плохо помогут Отечеству. Ведь любили же Россию Палиевский, Кожинов, Селезнев, Ланщиков, Семанов, Михайлов, но их противостояние нашествию безбожного воинства оказалось слабым. Потому что не были воцерковлены» [Крупин 2010].

Юрий Лоциц – автор многих прекрасных книг. Осмыслению истории Сербии, постижению духа братского православного народа посвящена книга «Русский сказ – Сербская притча» (2015), куда наряду с очерками вошла и русско-сербская диалогия – романы «Унион» и «Полумир». О творцах славянской письменности повествует художественное исследование «Кирилл и Мефодий» (2013). «Задача моя – показать, что старославянский язык – это непрекращающаяся традиция, что это не мертвый язык, он находится по-прежнему в самой сердцевине русского языка, это его алтарь, – говорит в своей книге автор. – Без обращения к высокому строю славянской речи, который они запечатлели в своих переводах, мы пропадем!» [Лоциц 2008]

Лауреат Патриаршей премии, кавалер ордена святого благоверного князя Даниила Московского Юрий Михайлович Лоциц сегодня продолжает свое служение Слову. Благодаря его таланту в русском художественном мире появилось слово нового, духовного уровня и подлинно христианской глубины.

Литература

- Крупин В.Н. О назначении писателя в России // Русская народная линия. 08.09.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravoslavnye.ru/analitika/2010/09/08/o_naznachenii_pisatelya_v_rossii (дата обращения 9.12.2019).
- Лоциц Ю.М. Больше, чем все: Сб. стихотворений. М.: Воениздат, 2001. – 127 с.
- Лоциц Ю.М. Взыскующая правду. К 1000-летию русской литературы // Наш современник. 1982. № 1. С. 163–169.
- Лоциц Ю.М. Гончаров. М.: Мол. гвардия, 1977. – 351 с.
- Лоциц Ю.М. Дмитрий Донской. М.: Мол. гвардия, 1980. – 367 с.
- Лоциц Ю.М. Земля-именинница: Очерки. М.: Современник, 1979. – 207 с.
- Лоциц Ю.М. Моя земля погибнуть не может [С писателем беседовал А. Любомудров] // Портал «Православие.RU», 22 дек. 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/37191.html> (дата обращения 9.12.2019).
- Распутин В.Г. «...Есть и другая Россия» [С писателем беседовал В. Кинцак] // Восточно-Сибирская правда. 2005. 20 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vsp.ru/2005/07/20/valentin-rasputin-est-i-drugaya-rossiya> (дата обращения 9.12.2019).

Сизов И. Крещённый в Ельце русский пророк // Липецкая газета. 23.03.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lpgzt.ru/aticle/45610.htm> (дата обращения 9.12.2019)